

ВНИЗ, В ЗЕМЛЮ

*Кто знает: дух сынов человеческих вос-
ходит ли вверх, и дух животных сходит ли
вниз, в землю?*

Екклезиаст 3:21

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И все-таки он вернулся на Мир Холмана. Почему — он не мог бы с уверенностью ответить. Может быть, его неумолимо влекла туда какая-то неведомая сила, может быть, прежние чувства, а может быть, просто глупость. Гандерсен никогда не собирался вновь посетить эту планету и тем не менее оказался здесь. Он ждал посадки. Прямо за иллюминатором — казалось, можно дотянуться рукой — лежал мир чуть побольше Земли, мир, который отнял у него лучшее десятилетие жизни, мир, где он узнал о себе то, чего предпочел бы не знать. Замигала красная лампочка. Корабль скоро пойдет на посадку. И все же вопреки всему он вернулся.

Гандерсен смотрел на саван облаков, простирившийся над зоной умеренного климата, на большие расползающиеся ледяные шапки, на извивающийся синей лентой пояс тропиков и вспоминал о поездках через Море Песка в ослепительном блеске рассветного светила, о том, как плыл по молчаливой черной реке под балдахинном дрожащих листьев, остроконечных, как стилеты, о золотистых коктейлях на веранде станции в джунглях в Ночь Пяти Лун, когда рядом сидела Сина, а в зарослях ревело стадо ниддоров. Это было давно. Теперь ниддоры снова стали хозяевами Мира Холмана. Гандерсену трудно было с этим примирить-

ся. А может быть, именно поэтому он и вернулся — чтобы увидеть, чего сумели добиться нилдоры.

— Вниманию пассажиров, — раздался голос из громкоговорителя. — Через пятнадцать минут мы выйдем на орбиту Белзагора. Просим занять свои места, застегнуть предохранительные сетки и приготовиться к посадке.

Белзагор. Так теперь называлась эта планета. Местное название, собственное слово нилдоров. У Гандерсена оно вызывало какие-то ассоциации с ассирийской мифологией. Естественно, это было «облагороженное» произношение, у нилдоров оно звучало примерно как «Блзгрр». Значит, Белзагор. Так он и будет называть эту планету, раз она теперь носит это имя и раз от него этого ожидают. Он всегда старался не обижать инопланетные существа без необходимости.

— Белзагор, — сказал он. — В этих звуках есть что-то необычное, верно? Их приятно выговаривать.

Пара туристов, сидевшая рядом с ним, охотно согласилась, — они поддакивали всему, что говорил Гандерсен. Муж — полноватый, бледный, чересчур изысканно одетый — добавил:

— Когда вы были здесь в последний раз, она называлась Мир Холмана, если не ошибаюсь?

— О да, — ответил Гандерсен. — Но это было в старые добрые имперские времена, когда землянин мог назвать любую планету, как ему заблагорассудится. Теперь этому пришел конец.

Жена туриста плотно сжала губы, так что они превратились в тонкую, жалостливую полоску. Гандерсен испытывал некое извращенное удовольствие в том, чтобы ей надоедать. В течение всего полета он разыгрывал перед этими туристами роль героя из романа Киплинга, изображая бывшего колониального чиновника, который едет посмотреть, что успели натворить предоставленные самим себе туземцы; это не вполне

отражало его истинные намерения, но порой неплохо было носить маску.

Туристы — их было восемь — смотрели на него со смешанным чувством благоговейного трепета и презрения, когда он гордо расхаживал среди них — высокий, загорелый человек, на черты которого наложили отпечаток годы, проведенные вне Земли. Он им не нравился, и в то же время они знали, что он страдал и тяжело трудился под чужим солнцем — в этом было нечто романтическое.

— Вы остановитесь в гостинице? — спросил муж-турист.

— О, нет. Я еду прямо в джунгли, в сторону Страны Туманов. Вон, видите это скопление облаков в северном полушарии? Очень крутой температурный режим — тропики и арктика практически рядом. Туман. Дождь. Вас повезут туда на экскурсию. У меня, к сожалению, дела.

— Дела? Я думал, что получившие независимость миры остаются вне сферы экономических связей, что...

— Это не торговые дела, — сказал Гандерсен. — Сугубо личные. Кое-что из того, что я не успел закончить во время пребывания здесь по делам службы.

Красная лампочка снова замигала, на этот раз ярче. Он пошел в каюту, чтобы подготовиться к посадке. Его окутала напоминая паутину ткань. Он закрыл глаза и ощутил толчок — включились тормозные двигатели. Корабль опускался на поверхность планеты, а Гандерсен покачивался в предохранительной сетке, защищенный от неприятных последствий изменения силы тяжести.

Единственный космопорт на Белзагоре, построенный землянами более ста лет тому назад, располагался в тропиках, возле устья большой реки, впадавшей в единственный на Белзагоре океан. Река Медлен, оке-

ан Бенджамини — Гандерсен не знал нилдорских названий. Космопорт, к счастью, был на полном самообслуживании. Автоматические устройства управляли радиомаяком, а также поддерживали в порядке посадочную площадку и защищали космопорт от вторжения окружающих джунглей. Трудно ожидать от нилдоров, чтобы они обслуживали космопорт, а держать здесь команду землян было невозможно. Гандерсен знал, что на Белзагоре остались еще около ста землян — даже после того, как все были отозваны с планеты, — но они не обладали достаточной для этого квалификацией. Кроме того, действовал закон, на основании которого все административные функции должны были исполняться нилдорами — или не исполняться вообще.

Корабль сел. Коконь из ткани-паутины развернулись, и пассажиры вышли наружу.

В воздухе висел тяжелый запах тропиков: илстой почвы, гниющих листьев, помета диких животных и маслянистых цветов. Был ранний вечер, на небе уже появились две луны. Как всегда, собирался дождь; влажность приближалась к девяноста девяти процентам, но вероятность сильного ливня в этой тропической зоне была невелика; вода просто оседала на всем окружающем в виде капель.

За деревьями халлигалли, окружавшими космопорт, сверкнула молния. Стюардесса наблюдала за деятельностью пассажирами, вышедшими из корабля.

— Прошу за мной, — сказала она и повела их в сторону единственного здания.

Слева из зарослей появились три нилдора и с любопытством стали рассматривать прилетевших. Изумленные туристы показывали на них пальцами.

— Смотри! Видишь? Совсем как слоны! Это те самые нили... нилдоры?

— Да, нилдоры, — сказал Гандерсен.

Над поляной чувствовался резкий запах животных. Судя по величине бивней, это были самец и две самки. Все примерно одного и того же роста: более трех метров, с темно-зеленой кожей, характерной для нилдоров из западного полушария. Глаза величиной с тарелку с ленивым любопытством уставились на Гандерсена. Стоявшая впереди самка с короткими бивнями подняла хвост и спокойно вывалила гору дымящегося пурпурного помета. До Гандерсена донеслись низкие, неясные звуки, но с этого расстояния он не мог понять, что говорят нилдоры. «Не может быть, чтобы они обслуживали космопорт, — подумал он. — Не может быть, чтобы они правили планетой. Однако это именно так».

В здании космопорта никого не было. Несколько роботов ремонтировали стену в дальнем конце здания, где серые пластиковые плиты начали разрушаться — вероятно, под ними завелись какие-то споры. Рано или поздно этой частью планеты завладеют джунгли, и все развалится. Деятельность роботов была единственной видимой работой. Таможни или чего-то подобного не существовало. Нилдоры — не бюрократы, их не интересует, кто и что с собой привозит. Девять пассажиров прошли таможенный контроль перед полетом — на Земле уделялось внимание, и притом значительное, тому, что вывозится на малоразвитые планеты. Не было также ни паспортного контроля, ни пункта обмена валюты, даже киосков с газетами и прочих удобств для пассажиров. Собственно, это был большой пустой ангар, в котором в давние колониальные времена, когда Мир Холмана принадлежал Земле, кипела жизнь. Гандерсену казалось, что вокруг появились призраки тех далеких дней: фигуры в тропических костюмах цвета хаки, передающие разные поручения, чиновники, погруженные в счета и бумаги, техники, крутящиеся возле компьютеров, носильщики-нилдоры, нагруженные экспортными товарами.

Теперь здесь было мертво и тихо. В пустоте отдавался эхом лишь шум ремонтных роботов.

— Сейчас должен прибыть гид. Он отвезет вас в гостиницу, — сообщила стюардесса.

Гандерсен тоже собирался остановиться в гостинице, но только на одну ночь, надеясь, что утром найдет себе какое-нибудь транспортное средство. У него не было определенных планов относительно путешествия на север; он рассматривал его как импровизацию, погружение в собственное прошлое.

— Этот гид — ниддор? — спросил он у стюардессы.

— Вы имеете в виду туземца? О нет, мистер Гандерсен, это землянин, она перелистала пачку отпечатанных на машинке страниц. — Его зовут Ван Бенекер, и он должен быть здесь по крайней мере за полчаса до посадки, так что я не понимаю, почему...

— Ван Бенекер никогда не отличался пунктуальностью, — заметил Гандерсен. — А вот и он.

В открытые двери здания въехал старый ржавый вездеход, и из него вышел низенький рыжий человек в помятой форме и высоких сапогах, какими пользовались в джунглях. Сквозь пряди редующих волос просвечивала загорелая лысая макушка. Он вошел в здание, огляделся и заморгал.

— Ван! — крикнул Гандерсен. — Иди сюда, Ван. Человек подошел ближе и поспешно сказал:

— Добро пожаловать на Белзагор, как теперь называется Мир Холмана. Меня зовут Ван Бенекер. Я постараюсь показать вам на этой увлекательной планете все, что разрешено законом, и...

— Привет, Ван, — прервал его Гандерсен.

Гид замолчал, явно недовольный тем, что его перебили. Он заморгал, посмотрел на Гандерсена и наконец спросил, явно не веря своим глазам:

— Мистер Гандерсен???

— Просто Гандерсен. Я больше не твой начальник.

— Боже мой, мистер Гандерсен... Боже мой, вы приехали сюда на экскурсию?

— Не совсем. Я приехал немного прогуляться в одиночестве.

— Извините, — обратился Ван Бенекер к группе и подошел к стюардессе: — Все в порядке, можете мне их передать. Беру ответственность на себя. Все здесь? Раз, два, три... восемь. Все сходится. Багаж можно поставить здесь, около вездехода. Подождите немного, я сейчас вернусь.

Он дернул Гандерсена за локоть.

— Отойдем в сторону, мистер Гандерсен. Вы понятия не имеете, как я удивлен. Боже мой!

— Как дела, Ван?

— Паршиво. Как еще может быть на этой планете? В каком году вы отсюда уехали?

— В 2240-м. Через год после того, как мы выпустили эту планету из рук. Восемь лет назад.

— Восемь лет. И чем вы занимаетесь?

— Министерство Внутренних Дел нашло мне работу, — ответил Гандерсен. Я очень занят. Сейчас я получил год отпуска, который давно уже мне полагался.

— И вы хотите провести его здесь?

— Почему бы и нет?

— Зачем?

— Я отправляюсь в Страну Туманов, — ответил Гандерсен. — Хочу навестить сулидоров.

— Лучше не делайте этого. Зачем это вам?

— Чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Та же проблема с каждым, кто сюда приезжает. Но вы же знаете, мистер Гандерсен, сколько народу туда отправилось и никогда больше не вернулось. Ван Бенекер рассмеялся. — Вы же не будете утверждать, что проделали такой путь только ради того, чтобы потереться носами с сулидорами? Готов поспорить, что у вас есть какие-то другие причины.

Гандерсен пропустил его слова мимо ушей.

— Чем ты теперь занимаешься, Ван? — спросил он.

— В основном вожу туристов. Каждый год у нас бывает по девять-десять групп. Я везу их вдоль берега океана, потом показываю кусочек Страны Туманов, и мы совершаем прыжок через Море Песка. Приятный и не слишком утомительный маршрут.

— Гм...

— А все остальное время я развлекаюсь. Иногда поболтаю с ниддорами, иногда навещу друзей на станциях в джунглях. Вы их всех знаете: это те, кто остался здесь еще со старых времен.

— А что с Синой Ройс? — спросил Гандерсен.

— Она живет у Водопадов Шангри-Ла.

— Она все такая же красивая?

— Ей так кажется, — сказал Ван Бенекер. — Вы собираетесь отправиться в те края?

— Конечно. Я хочу совершить сентиментальное путешествие. Проеду по всем станциям в джунглях, навещу старых друзей: Сину, Каллена, Курца, Саламоне — кто там еще?

— Некоторых уже нет в живых.

— Ну, значит, тех, кто остался, — Гандерсен взглянул на маленького человечка и улыбнулся. — Лучше займись теперь своими туристами. Поболтаем вечером в гостинице. Я бы хотел, чтобы ты рассказал мне обо всем, что здесь происходило, когда меня не было.

— Я могу сделать это с легкостью, мистер Гандерсен. Сразу же и одним словом: распад. Все здесь гниет и распадается. Взгляните хотя бы на эту стену.

— Вижу...

— Посмотрите на ремонтных роботов. Не слишком блестят, верно? Они тоже понемногу сдают. Подойдите поближе и увидите пятна на их корпусах.

— Но ведь можно...

— Конечно. Все можно отремонтировать, даже ремонтных роботов. Но здесь разваливается целая система. Рано или поздно сотрутся базовые программы, и отремонтировать уже будет нечего. И этот мир вернется в каменный век. Вот тогда нилдоры наконец будут счастливы. Я знаю этих чудовищ, как, впрочем, и каждый, кто здесь живет. Я знаю, что они ждут не дождутся, когда последние следы землян исчезнут с этой планеты. Они притворяются дружелюбными, но на самом деле полны ненависти, настоящей ненависти, и...

— Займись своими туристами, Ван, — прервал его Гандерсен. — Они уже беспокоятся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из космопорта в гостиницу их должен был отвезти караван нилдоров — по двое землян на одном нилдоре, Гандерсен один, Ван Бенекер с багажом — на вездеходе. Три нилдора, пасшихся на краю поля, спокойно подошли, чтобы включиться в караван, и еще двое вышли из джунглей. Гандерсена удивило, что нилдоры соглашаются служить землянам в качестве выючных животных.

— Это им не мешает, — объяснил Ван Бенекер. — Они любят доставлять нам маленькие удовольствия. Это лишь усиливает их чувство превосходства. Впрочем, они почти не ощущают такой нагрузки и не считают чем-то унижительным то, что на них сидят люди.

— Когда я был здесь, мне казалось, что это их в восторг не приводит, — сказал Гандерсен.

— С тех пор как мы отказались от прав на их планету, они относятся к этому более снисходительно. Впрочем, кто может знать, о чем они думают? Я имею в виду, о чем они на самом деле думают?